

ОТЗВУКИ СОБЫТИЙ

Ольга ЦВЕТКОВА

Соискатель сектора истории антропологических учений.
Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: tsvetkovaolgaal@gmail.com

РАСПАД ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ: БЕЗУМИЕ КАК НЕВОЗМОЖНОСТЬ ЛЮБВИ (ПО Л. БИНСВАНГЕРУ)

В статье рассмотрена проблема любви и безумия как противоположных модусов человеческого бытия. С точки зрения феноменологии любви и Dasein-анализа Людвиг Бинсвангера анализируется реципрокное влияние безумия и распада интерсубъективности в условиях антропокризиса на примере интеракции человека и искусственного интеллекта. Продемонстрировано, что полноценная реализация человека невозможна в изоляции от других, она возможна только в отношениях с другими, высшей формой которых является любовь. Человеческое существо является рождённой возможностью «генерализованного Мы», его задача – реализовать эту возможность в непосредственной встрече «Мы». Только через «Мы» Dasein может достичь наиболее полной реализации. Любовь определяется как сущностная структура человеческого, «фундаментальная форма», которая структурирует человеческое существо, и её неудача вызывает безумие. Описаны гипотезы Л. Бинсвангера о невозможности любви в психопатологическом состоянии в связи с восприятием других как объектов и вытекающей из этого невозможностью создать «Мы» как совместное-бытие-в-мире и о форме лечения, состоящей в том, чтобы открыть возможность «Мы». Выдвинута гипотеза о том, что вынужденное

внешнее ограничение реализации интенциональности к «Мы» также может оказать влияние на сужение миропроекта человека и привести к безумию.

Ключевые слова: Бинсвангер, миропроект, любовь, безумие, интерсубъективность, бытие-в-мире, Dasein, Другой, экзистенциальные априори, искусственный интеллект

За всю историю своего существования человек впервые столкнулся с угрозой лишиться своей уникальности и неповторимости. Всего за несколько лет были разработаны компьютерные программы, призванные заменить человека, моделируя некоторые из его качеств, например способность к эмпатии. Использование подобных программ-ботов вышло за рамки строгих технических отраслей и стало внедряться в области, традиционно предполагающие человеческое взаимодействие – образование, психологическая помощь, сервисы социализации и прочее. Однако можно ли говорить, что способность распознавать эмоции человека посредством контент-анализа и нахождение адекватного на них ответа посредством самообучающегося алгоритма является тождественным сопереживанию, со-причастности? Несмотря на то, что искусственный интеллект можно считать субъектом права, стоит ли его считать участником интерсубъективного взаимого действия? Если искусственный интеллект способен к «эмпатии», может ли он быть способен к любви? Какое влияние на человека замены человеческого общения на интеракции с искусственным интеллектом?

Бытие человека в мире – это его бытие-с-природой, бытие-с-вещами, бытие-с-другими [2]. Отчуждение от природы, вещей и других сужает просвет бытия и, по Бинсвангеру, может проявляться в виде захваченности миропроектом, т.е. безумием. В норме миропроект динамичен, человек способен трансцендировать и расширять его, в том числе через совместное с Другим переживание пространства и времени. Но когда бытие человека, наоборот, оказывается захвачено миропроектом, тогда он становится охваченным повторяющимися образами и идеями, в таком галлюцинаторном мире уже нет Другого, есть только проекции собственного безумия [12].

Когда мы говорим про бытие-в-мире, мы в том числе имеем в виду бытие-с-другим, человек не мыслит без Другого. «Я» формируется относительно Другого. Любовь – это не просто вид привязанности, это способность трансцендировать, присущая только человеку. Любовь – это связь с Другим, понимание, это взгляд на себя через Другого. Любовь – это создание интерсубъективного пространства, в котором преодолеваются индивидуальные ограничения.

Формирование идей Л. Бинсвангера

Концепция любви Бинсвангера оформлялась главным образом в его полемике с М. Хайдеггером, но, кроме того, также с Ж.-П. Сартром, М. Бубером, З. Фрейдом, С.Л. Франком. И хотя Бинсвангера часто упрекают в искажённой интерпретации хайдеггеровской концепции «заботы» и «мира» в целом, его концепция заслуживает отдельного рассмотрения как самостоятельное направление феноменологической антропологии, идеи которой будут в дальнейшем обсуждаться Ж. Лаканом, Ю. Хабермасом, М. Фуко и др.

В критике психологизма Э. Гуссерля Бинсвангер находит первые аргументы против психоанализа, в частности, подвергнув сомнению фрейдистский подход к влечениям, который, по его мнению, механизмирует отношения между людьми. Однако швейцарский философ критикует и концепцию «заботы» Хайдеггера, где Другой выступает как объект, который используется как часть собственного мира, а не как «другой, кроме меня». Бинсвангер обвиняет Хайдеггера в том, что он остался слеп к онтологическому приоритету бытия-с-другими, выдающимся проявлением которого является любовь. Л. Бинсвангер утверждает, что находит в любви не только сублимированное чувство влечения, но и первичную форму бытия-в-мире, способ существования, без которого человек не может определить себя как таковой.

Л. Бинсвангер, в отличие от М. Хайдеггера и С. Кьеркегора, утверждает, что подлинное бытие достигается совместно с другим, в модусе «Мы», в то время как согласно Хайдеггеру и Кьеркегору *Dasein* идёт по пути прямого противостояния «Я» и мира.

В попытке преодолеть недостатки «Бытия и времени» Бинсвангер обращается к философии диалога Мартина Бубера. Иерусалимский философ подчёркивает онтологический примат отношения. Согласно Буберу, человеческое «Я» не может быть постигнуто отдельно от отношений. Индивид является фактом существования постольку, поскольку он вступает в живые отношения с другим индивидом. Фундаментальный факт человеческого существования – это существование вместе с Другим. Бинсвангер следует за Бубером, утверждая, что человеческие отношения по самой своей природе диалогичны [19, с. 76]. Концепция «Я и Ты» даёт ему основу для разработки своей теории intersубъективности в форме «феноменологии любви».

Теория intersубъективности Бинсвангера представляет собой важный контраст индивидуализму ранней философии Ж.-П. Сартра. И Бинсвангер, и Сартр проводят феноменологический анализ, по-разному опираясь на мысли Гегеля, Гуссерля и Хайдеггера. Тем не менее они развивают радикально разные подходы к субъективности и intersубъективности, различия, которые повторяются в идеях Лакана и Хабермаса.

В то время, как для Хайдеггера подлинное существование достигается в существенной изоляции от других, хотя он и не отрицает возможность

любви, в ранних работах Сартра отрицается сама возможность межсубъективной взаимности. Согласно Сартру, intersубъективные отношения определяются желанием присвоить субъективность другого. Подчинение другого даёт возможность достичь целостности как идеального бытия для себя. Таким образом, Хайдеггер и Сартр разрабатывают негативные концепции аутентичности и отношений, а также маргинальной роли Другого в достижении самореализации.

Бинсвангер же берёт за отправную точку возможность взаимного признания. Утверждая, что субъект возникает через отношение к другому, швейцарский философ повторяет гегелевскую тему признания. Потенциал «Я» достигается в совместном переживании любовных отношений. Подлинное «Я» не существует изолированно от других, но достигается в отношении к другому.

Концепция любви в трактовке Л. Бинсвангера

Любовь – это гораздо больше, чем чувство, чем субъективное состояние для Л. Бинсвангера. Это «форма», т.е. априорная структура, условие возможности, и эта форма является «фундаментальной», т.е. необходимой, онтологической основой всего сущего. Любовь – это не романтический идеал, стремление к трансцендентности, а, наоборот, сама структура человеческого, и никто не может существовать без любви и без возможности любить. Любая невозможность любить является, по мнению философа, патологией, и, более того, патология всегда, по сути, является неудачей любви [13].

Бытие-в-мире для Бинсвангера с самого начала является бытием-с-другими и интересом к другому. Согласно Бинсвангеру, взаимные любовные отношения составляют высшую форму человеческого существования. Как таковая она также обеспечивает методологическую основу для других основных экзистенциальных модусов в его теории intersубъективности [2].

Любовь позволяет расширить мир, вознеся его за пределы границ между субъективностью и объективностью. Это не просто субъективное «состояние», освобождающее от внешнего мира, и не бегство от него. Мир того, кто любит и любим, не только меняется, он состоит из любви, созданной им. И именно в этом мире, созданном любовью, вызванном ею, существование – в остальном безосновательное и абсурдное – обретает смысл. Поэтому для Бинсвангера любовь означает привнесение трансцендентности в существование [7].

Любовь производит рост бытия, полноту, которая выходит за рамки любых объективных обстоятельств, любой ситуации, она обладает особыми пространственными и темпоральными свойствами.

Любить – значит иметь возможность сказать «мы», не изолируясь перед лицом экзистенциальной тревоги, но и не растворяясь в «Мы». Только через «Мы» Dasein может достичь наиболее полной реализации.

Л. Бинсвангер рассматривает отношение Я-Ты как онтологическую реальность, которая не может быть сведена к тому, что происходит внутри каждого из участников отношений. Любовь создаёт другой пространственный модус, который является межсубъективным и реализуется в мы-измерении. Когда «Я» и «Ты» встречаются друг с другом, они не меняются местами, а вместе образуют новый пространственный модус. Пространственный модус «Мы» основан на действиях комплиментарности, которые выходят за пределы индивидуальной обособленности. Отдельное пространство индивида уступает место новому пространству, охватывающему обоих людей одновременно, хотя каждый человек сохраняет свою индивидуальность.

Пространственный характер взаимной любви наиболее очевиден в её потенциале к проявлению через другого. Бинсвангер описывает этот процесс как «непрерывную взаимную продуктивность». Взаимодействие между партнёрами в любовных отношениях может происходить как взаимное отдавание и принятие, при котором «чем больше я даю, тем больше у меня есть, и то и другое безгранично». По словам Бинсвангера, любовь – это «взаимное, нескончаемое, отдающее и получающее» [19, с. 96]. Таким образом, любовные отношения создают ощущение безграничного пространства, в котором существование другого создаёт для меня чувство «дома», но не в негативном, а в позитивном смысле. Находя «дом» друг в друге, влюблённые могут преодолевать свои индивидуальные ограничения и развиваться друг через друга. Любовные отношения дают каждому партнёру чувство единения, независимо от того, находятся ли они в одном физическом пространстве или нет.

Темпоральность взаимной любви аналогична пространственности. Л. Бинсвангер описывает темпоральность встречи «Я-Ты» как «вечный момент» (ewiger Augenblick). В переживании любви иногда может казаться, что время стоит на месте или убегает в один момент. Бинсвангер цитирует Ницше, говоря: «Любовь не думает о продолжительности, но о моменте и вечности» [19, с. 97]. Используя термин «вечность», швейцарский философ не предполагает, что любовь может длиться бесконечно долго, но развивает мотив, который часто встречается в любовной поэзии. Темпоральность другого во встрече «Я-Ты», будет переплетаться с моим собственным временным существованием, предполагая изменение повседневной темпоральности.

«Любовь – это переживание бесконечности в пределах мира» [21, с. 500].

Бинсвангер пытается объяснить феномен встречи «Я-Ты», предполагая, что человеческое Dasein всегда уже имеет потенциал для встречи. Он утверждает, что двойственная структура любви является априорной возможностью. Возможность взаимодействия с людьми как таковая является основной категорией человеческого существования. Только потому, что люди обладают способностью вступать в любовные отношения, они вообще могут иметь место.

Человеческое существо является «рождённой возможностью» «генерализованного Мы», задача которого – стать этой возможностью конкретно в непосредственной встрече «мы-двое». Другими словами, для Бинсвангера индивид не только появляется в интерсубъективном контексте обобщённого «Мы», но всегда уже способен участвовать в человеческих контактах.

Л. Бинсвангер, таким образом, предполагает, что задача человеческого «Я» состоит в том, чтобы достичь встречи «Я-Ты» в модусе любви. Он утверждает, что любовные отношения – это не просто случайность, а конечная точка траектории, которая уже изначально присуща человеческому «Я». Согласно Бинсвангеру, человеческое Dasein может вступить в отношения «Я-Ты» и тем самым достичь самореализации и полноты пребывания в модусе взаимной любви.

Потенциал «Я» достигается в совместном переживании любовных отношений. Подлинное «Я» не существует изолированно от других, но достигается по отношению к другому. Для Бинсвангера Другой – не просто средство для достижения цели, а участник процесса самореализации. Переживание тревоги, связанное с бытием навстречу смерти, несовместимо с переживанием взаимной любви. Только осознавая сложные взаимосвязи между субъективностью и интерсубъективностью, мы можем начать понимать отношения между нами и другими людьми.

Безумие как невозможность любви

В работе «Меланхолия и мания» [15] Бинсвангер отмечает значимость для психиатрии вопросов интерсубъективности и формировании «общего» мира. «Психически больные живут в мире, отличном от нашего» [15, с. 71], – и это постольку, поскольку их способ конструирования мира отличается от «нашего». Т.е. происходит ошибка узнавания общего смысла, нарушена также интенциональная конструкция общей темпоральной объективности. Психически больной человек не имеет общего мира с другими, он воспринимает других только в их буквальном и непосредственном проявлении.

При маниакальном состоянии нарушена темпоральность, человек живёт только в настоящем моменте, не думая ни о прошлом, ни о будущем. И тогда происходит ошибка узнавания собственного эго, чему соответствует и ошибка узнавания других, и в том числе совместного с этими другими мира. Происходит нарушение модуса историчности личности.

Меланхолик обращается к себе, уходит от других в себя, а человек в мании удаляется от себя, обращаясь к другим. Но удаляясь от себя самого, он не может прийти к другим, поскольку этим он отдаляется также и от них. В маниакальном состоянии любовь невозможна, поскольку другие

воспринимаются лишь как объекты и с ними нет возможности создать «Мы» как совместное-бытие-в-мире.

Обязательным свойством любви является сохранение самостоятельности и независимости «Я» в совместном-бытии-в-мире с «Ты», которое не зависит от пространственной близости [14]. Одиночество «Я» и «Ты» в совместном-бытии-в-мире делает возможным одиночество «Мы», которое может трансформироваться в соучастие в дружбе. Одиночество «Я» в «Мы» является синонимом желания, желания взгляда «Ты» на «Я», желания обогащения через отдавание, желания «Я» быть проявленным и открытым и принятым «Ты».

Эту независимость «Я» нельзя путать с изоляцией и одиночеством «Я» при невозможности «Мы». «Все эти отшельники, которые убегают, люди, которые ненавидят, негуманные люди» [13, с. 149] испытывают одиночество в невозможности реализоваться в любви как дуальности, они страдают и тоскуют, не имея возможности найти удовлетворения своему желанию.

В «Трёх неудавшихся формах человеческого существования» Л. Бинсвангер описывает психопатологию как невозможность любить [16; 17]. Это то, что Бинсвангер называет «искажением», патологическим способом поведения, подобным «кривому винту», который в негативном свете показывает то, чего требует «нормальное» отношение к другим. Характеристика искажённого бытия-в-мире вынуждает человека встречаться с миром только в режиме бытия в пределах досягаемости (он относится к другим как к объектам).

Страдающий шизофренией живёт по отношению к другому с большим страхом близости. Другой поддерживается на расстоянии из-за заблуждений, неадекватного поведения, эксцентричных планов или аутизма. В любовных отношениях близость Другого становится для него невыносимой, и он часто реагирует параноидальным образом, что усугубляет его трудность правильно интерпретировать сообщения от Другого [21].

Потеря способности встречаться с Другим в любви также означает, что мир превращается из дома, жилища в абстрактную географию, место, которому угрожают анонимные голоса и враги. Здесь потеряна сама основа межчеловеческой встречи – факт уникальности, свободы и личности.

В меланхолии пространство приобретает в определённой степени характеристики, прямо противоположные шизофрении. Тепло и упорядочено; это пространство, где сохранённые объекты сохраняют прошлое и избегают изменений. Границы между своим и чужим здесь очень точны, как и ранги, регулирующие человеческие отношения.

Симптом апатии – это также форма нарушения отношений с настоящим. Но эта «вневременность» не имеет ничего общего с «вневременностью» любви. Шизофреник находится вне времени, а влюблённые преодолели его. Шизофреник отстраняется от проходящего времени, что позволяет ему действовать. Влюблённые же продолжают действовать и творить, но

они способны через любовь преодолеть печальную и болезненную природу времени: тот факт, что так много вещей, которые хотелось бы сохранить, разрушаются и неумолимо уходят. Именно эта вечность любви заставляет влюблённых часто жить в состоянии экстаза. Ничто из этого не свойственно «вневременности» шизофреников, которые скорее склонны жить в постоянном разочаровании, преследуемом своего рода первичной тревогой [8].

Таким образом, любовь для Бинсвангера является «фундаментальной формой», которая структурирует человеческое существо и чья неудача вызывает безумие [17].

Все формы насилия и неуважения по сути своей являются несостоятельностью любви. Если любовь является фундаментальной формой, это означает лишь то, что, лишившись своей изначальной структуры, человек становится невозможным и именно эта невозможность есть «безумие» [20].

По сути, для Бинсвангера патология – это всегда сбой фундаментальной структуры любви, и если врач воспроизведёт этот сбой (рассматривая пациента как сломанную машину, объект, который нужно отремонтировать), он может только заткнуть ему рот [18]. Психиатр, как считает Бинсвангер, должен понять, что пациент не может ничем с ним поделиться, но что эта невозможность не является оскорблением или добровольным насилием, а составляет суть его болезни. Лечение состоит в том, чтобы позволить пациенту открыть возможность «Мы», что подразумевает реактивацию фундаментальной формы, которая структурирует человека согласно Бинсвангеру: любви.

В таком случае интеракция с искусственным интеллектом, приравненная к человеческому взаимодействию, должна производить противоположный эффект.

Распад интересубъективности или бытие-без-другого

Л. Бинсвангер отмечает, что наиболее полная творческая реализация человека возможна только в любви, поскольку миропроjekt человека становится более динамичным, обогащается в бытии-вместе-с-Другим. Любовь может принимать различные формы в зависимости от эпохи и культуры, но суть её не меняется.

Взаимное действие в любви, по Бинсвангеру, направлено на взаимное обогащение через взаимное отдавание, создавая и питая пространство «Мы». И если искусственный интеллект может быть способен к взаимобмену, то он не может быть способен к «Мы», поскольку «Ты» для него – только объект, а «Я» – то же самое, что «Ты». И, в отличие от человека, охваченного собственным статичным миропроjektом, искусственный интеллект не способен к его расширению, посредством установления пространства «Мы», поскольку в его основе нет predisпозиции к любви, в отличие от человека [20].

Но может ли «Я» переживать «бытие-вместе-с-искусственным интеллектом», как «Я» может отличить «Ты» от «это», может ли «Я» чувствовать отсутствие интенциональности к «Мы» со стороны искусственного интеллекта?

Бытие-вместе – это всегда взаимное намерение, именно поэтому Бинсвангер описывает «Мы» на примере романтической любви и дружбы. Во взаимодействии с тем, кто не способен к «Мы», «Я» сталкивается с невозможностью реализовать априорную интенциональность к расширенному миропроекту в «Мы» – тогда «Я» будет стремиться найти реализацию этой возможности и самореализацию в бытии-вместе с другим. Однако неразделённая любовь, как указывает Бинсвангер, ведёт к сужению про-света бытия, сжатию миропроекта.

Любого рода интеракции с искусственным интеллектом, какие бы формы-симулякры они ни принимали, не являются альтернативной интересубъективного взаимодействия в модусе бытия-вместе, но попытка выдать их за альтернативу может привести к безумию.

Таким образом, способность/потребность любить является экзистенциальным априори человека, невозможность реализовать которую приводит к безумию. Невозможность реализации априори любви может происходить из патологического миропроекта человека. Но мы также считаем возможным и обратную взаимосвязь: невозможность реализовать экзистенциальные априори ведёт к сужению миропроекта и его патологизации. С распадом интересубъективности также распадается пространственность, темпоральность, историчность.

Для создания «Мы» помимо «Я» необходимо «Ты», не в качестве представления или объекта, но как отдельное от «Я» бытие-в-мире, существующее помимо «Я». Вынужденная изоляция, замена Другого на роботизированные программы может быть причиной невозможности реализации «Я» в интересубъективности, в бытии-вместе-с-другим и невозможности формирования трансцендентного «Мы» в любви. Т.е. происходит не психопатологическое ограничение миропроекта, но внешнее ограничение реализации экзистенциальных априори человека. Интеракция с искусственным интеллектом не может являться альтернативой человеческого общения, но использование её в качестве таковой может стать причиной невозможности человека состояться в любви, что ведёт к безумию.

Список литературы

1. Антонов К.М., Ченцова Д.А. Две антропологические рецепции идей Фрейда: С.Л. Франк и Л. Бинсвангер // История философии. 2020. Т. 25. № 2. С. 40–54.
2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М.: Ювента, 1999. 302 с.
3. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 272 с.

4. *Власова О.А.* Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: История, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 638 с.
5. *Гуревич П.С.* Человек как предмет философской антропологии (методологические аспекты) // *Личность. Культура. Общество.* 2001. № 3 (9). С. 52–67.
6. *Гуревич П.С.* Разум в галактической перспективе // *Мир человека: неопределённость как вызов* / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 312–334.
7. *Жолобова И.К., Джиоева Д.А.* Экзистенциальный анализ феномена любви в работах Л. Бинсвангера // *Гуманитарные и социально-экономические науки.* 2019. № 3. С. 52–57.
8. *Минковский Э.* Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования. М.: ИД «Городец», 2018. 496 с.
9. *Резвых Т.Н., Аляев Г.Е.* Людвиг Бинсвангер: между метафизикой С.Л. Франка и аналитикой присутствия М. Хайдеггера // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2020. Т. IV. № 2. С. 308–325.
10. *Руткевич А.М.* От Фрейда к Хайдеггеру: Критический очерк экзистенциального психоанализа. М.: Политиздат, 1985. 175 с.
11. *Юран А.* Психоанализ любви // *Вестник Ленинградского Государственного Университета им А.С. Пушкина.* 2010. Т. 2. № 1. С. 128–137.
12. *Binswanger L.* Daseinsanalyse, Psichiatria, Psicoterapia. Milano: Raffaello Cortina Editore, 2018. 240 p.
13. *Binswanger L.* Forme fondamentali e conoscenza dell'esserci umano. Amore e amicizia come forme della vita autentica. Roma: Gruppo editoriale Tab S.r.l., 2020. 205 p.
14. *Binswanger L.* Le probleme de l'espace en psychopathologie. Toulouse: Presses Universitaires de Mirail, 2016. 130 p.
15. *Binswanger L.* Melanconia e mania: studi fenomenologici. Torino: Bollati Boringhieri editore, 2015. 122 p.
16. *Binswanger L.* Tre forme de esistenza mancata. Milano: SE Srl, 2011. 242 p.
17. *Coulomb M.* L'amour ou la folie selon Ludwig Binswanger // *L'information psychiatrique.* 2010. Vol. 86. No. 9. P. 798–804.
18. *Dorr-Zegers O.* Fenomenologia del amor y psicopatologia // *Salud Mental.* 2005. Vol. 28. No. 1. P. 1–9.
19. *Frie R.* Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: a Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas. Boston: Rowman&Littlefield Publishers, Inc., 1997. 227 p.
20. *Mahéo G.* Binswanger, la réponse de l'amour // *Alter.* 2012. No. 20. P. 111–128.
21. *Schrijvers J.* Ludwig Binswanger: The Transcendence of Love // *Bogoslovni vestnik.* 2017. No. 77. P. 489–501.

ECHOES OF THE EVENTS

Olga Tsvetkova

Applicant of the Department of the History of Anthropological Doctrines.
RAS Institute of Philosophy.
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: tsvetkovaolga@gmail.com

THE DISINTEGRATION OF INTERSUBJECTIVITY: MADNESS AS THE FAILURE OF LOVE (ACCORDING TO L. BINSWANGER)

The article considers the problem of love and madness as opposite modes of human existence. Using the example of human interaction with artificial intelligence it has been analyzed from the point of view of the phenomenology of love and Ludwig Binswanger's Dasein analysis the reciprocal influence of madness and disintegration of intersubjectivity in the context of an anthropocrisis. It has been demonstrated that the full realization of a person is impossible in isolation from others, it is possible only in relationships with others, the highest form of which is love. A human being is a born possibility of a "generalized We", his task is to realize this possibility in a direct meeting of "We". Only through "We" can Dasein achieve its fullest realization. Love is defined as the essential structure of the human, the "fundamental form" that structures the human being and its failure causes madness. It has been considered the hypothesis of L. Binswanger about the failure of love in a psychopathological state, in connection with the perception of others as objects and the consequent impossibility of creating "We" as being-in-the-world-together, and about the form of treatment, which consists in opening the possibility of "We". A hypothesis has been put forward that the forced external limitation of the realization of intentionality to "We" can also affect the narrowing of the world-project and lead to madness.

Keywords: Binswanger, world-project, love, madness, intersubjectivity, being-in-the-world, Dasein, Other, existential a priori, artificial intelligence

References

1. Antonov, K.M. & Chentsova, D.A. "Dve antropologicheskie retseptsii idei Freida: S.L. Frank i L. Binsvanger" [Two Anthropological Receptions of Freud's Ideas: Semyon L. Frank and Ludwig Binswanger], *Istoriya filosofii*, 2020, T. 25, No. 2, pp. 40-54. (In Russian)
2. Binswanger, L. *Bytie-v-mire* [Being-in-the-world]. Moscow: Yuventa Publ., 1999. 302 pp. (In Russian)

3. Binswanger, L. *Daseinsanalyse, Psichiatria, Psicoterapia*. Milano: Raffaello Cortina Editore, 2018. 240 pp.
4. Binswanger, L. *Ehkzistentsial'nyi analiz* [Existential Analysis]. Moscow: Institute of General Humanities Research Publ., 2017. 272 pp. (In Russian)
5. Binswanger, L. *Forme fondamentali e conoscenza dell'esserci umano. Amore e amicizia come forme della vita autentica*. Roma: Gruppo editoriale Tab S.r.l., 2020. 205 pp.
6. Binswanger, L. *Le probleme de l'espace en psychopathologie*. Toulouse: Presses Universitaires de Mirail, 2016. 130 pp.
7. Binswanger, L. *Melanconia e mania: studi fenomenologici*. Torino: Bollati Boringhieri editore, 2015. 122 pp.
8. Binswanger, L. *Tre forme de esistenza mancata*. Milano: SE Srl, 2011. 242 pp.
9. Coulomb, M. "L'amour ou la folie selon Ludwig Binswanger", *L'information psychiatrique*, 2010, Vol. 86, No. 9, pp. 798–804.
10. Dorr-Zegers, O. "Fenomenologia del amor y psicopatologia", *Salud Mental*, 2005, Vol. 28, No. 1, pp. 1–9.
11. Frie, R. *Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: a Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas*. Boston: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1997. 227 pp.
12. Gurevich, P.S. "Chelovek kak predmet filosofskoi antropologii (metodologicheskie aspekty)" [A Human Being as a Subject of the Philosophical Anthropology (the questions of methodology)], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2001, No. 3 (9), pp. 52–67. (In Russian)
13. Gurevich, P.S. "Razum v galakticheskoi perspektive" [Reason in the Galactic Perspective], *Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov* [World of the Human: Uncertainty as a Challenge], ed. G.L. Belkina. Moscow: LENAND Publ., 2019, pp. 312–334. (In Russian)
14. Mahéo, G. "Binswanger, la réponse de l'amour", *Alter*, 2012, No. 20, pp. 111–128.
15. Minkovsky, Eh. *Prozhivaemoe vremya. Fenomenologicheskie i psikhopatologicheskie issledovaniya* [Lived Time: Phenomenological and Psychopathological Studies]. Moscow: Gorodets Publ., 2018. 496 pp. (In Russian)
16. Rezvykh, T.N. & Alyaev, G.E. "Lyudvig Binsvanger: mezhdru metafizikoi S.L. Franka I analitikoï prisutstviya M. Khaideggera" [Ludwig Binswanger: Between the Metaphysics of Simon L. Frank and Martin Heidegger's Analytic of Dasein], *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki*, 2020, T. IV, No. 2, pp. 308–325. (In Russian)
17. Rutkevich, A.M. *Ot Freida k Khaideggeru: Kriticheskii ocherk ehkzistentsial'nogo psikhooanaliza* [From Freud to Heidegger: A Critical Essay on Existential Psychoanalysis]. Moscow: Politizdat Publ., 1985. 175 pp. (In Russian)
18. Schrijvers, J. "Ludwig Binswanger: The Transcendence of Love", *Bogoslovni vestnik*, 2017, No. 77, pp. 489–501.
19. Vlasova, O.A. *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ehkzistentsial'nyi analiz: istoriya, mysliteli, problemy* [Phenomenological Psychiatry and Existential Analysis: History, Thinkers, Problems]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2010. 638 pp. (In Russian)
20. Yuran, A. "Psikhooanaliz lyubvi" [Psychoanalysis of Love], *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im A.S. Pushkina*, 2010, T. 2, No. 1, pp. 128–137. (In Russian)
21. Zholobova, I.K. & Dzhioeva, D.A. "Ehkzistentsial'nyi analiz fenomena lyubvi v rabotakh L. Binsvanger" [Existential Analysis of Love Phenomenon in Works by L. Binswanger], *Gumanitarnye i sotsial'no-ehkonomicheskie nauki*, 2019, No. 3, pp. 52–57. (In Russian)